

PG 7158

M5 S618

1829

LIBRARY OF CONGRESS

0000386635A

2325
29

Мицкевича, Адам

**К Р Ы М С К І Е
С О Н Е Т Ы**

АДАМА МИЦКЕВИЧА.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ

ИВАНА КОЗЛОВА.

И з д а л ъ

Книгопродавецъ Непейцинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВАИ.

1829.

PG 7158

.M5 S618

1829

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи предспавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. С. Пешербургъ, Окшлябра
10 дня 1829 года.

Ценсоръ К. Сербиновичъ.

-1041063
ЕРЗ
1-27-88

ПОСВЯЩЕНО

МИЦКЕВИЧУ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

В В Е Д Е Н І Е.

Г-нъ Мицкевичъ принадлежишь къ малому числу избранныхъ, коимъ предоспавлено счастливое право быть предсавителями литературной славы своихъ народовъ. Кажется, утвердительно сказать можно, что ему принадлежишь почешное мѣсто въ современномъ намъ поколѣнїи Поэтовъ. Не намъ, со стороны, подтверждать или изслѣдывать сей приговоръ: приводимъ его только въ свидѣтельство, какъ выраженїе общаго мнѣнїя беспристрасныхъ и свѣдущихъ судей Польской Литпературы. Нельзя не подивиться, и не пожалѣть, что

еія соплеменница нашей такъ у насъ мало извѣсна. Сколько узы полипическія, соединяющія насъ нынѣ съ Польшею, сколько узы природнаго сродства и взаимной пользы въ Словесности должны бы, кажется, насъ сблизить. Изученіе Польскаго языка могло бытъ бы вспомогательнымъ дополненіемъ къ изученію языка опечесвеннаго. Многія родовыя черпы, сохранившіяся у сосѣдей и сонаслѣдниковъ нашихъ, упрачены нами; въ обоюдномъ разсмотрѣніи наслѣдства, раздѣленнаго между нами, въ миролюбной размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ могли бы обрѣсти мы общую выгоду. Брашья, копорыхъ часпо предспавляешъ Испорія новымъ примѣромъ древней Эиваиды, должны бы, кажется, предать забвенію среднюю эпоху своего бытія, ознаменованную семейными раздорами и слихья въ черпахъ коренныхъ своего происхожденія и нынѣшняго соединенія.

Самый родъ, избранный Польскимъ Поэпомъ, рама, въ копорую намѣрился онъ вхѣснить свои впечатлѣнія, чувства и понятія, доказываютъ, что его не пугаютъ взыскашья формы искусства, и что для истиннаго Поэша

нѣтъ оковъ сшихосложенія. Мы уже опомши
опъ суевѣрнаго приспраспїя Дебрео къ Сонспу,
но все должны признапъся, что правильное
исполненіе его сопряжено съ нѣкопорымъ за-
спрудненіемъ и налагаешъ иго. Учаспъ Сонспа
спранная. Законодатель новѣйшей классиче-
ской Поэзіи поставилъ его краеугольнымъ кам-
немъ зданія классической Поэзіи, а въ опече-
спвѣ его, вѣрующемъ еще и нынѣ въ его
Французскій Коранъ (какъ Пушкинъ называетъ
l'art poétique), Сонешъ совершенно забытъ и за-
брошенъ. Напропивъ, у Поэповъ исповѣдаю-
щихъ романпизмъ, онъ еще въ употребленіи.
Впрочемъ и они имѣюпъ за себя, если не законо-
дателя романпизма, но главу его, Шекспира,
копорый оставилъ намъ болѣе 150 Сонешовъ.
На эпомъ ли примѣрѣ основано возрожденіе
Сонеша въ наше время, или проспо на томъ,
что въ кругообращеніи умспвенной дѣятель-
ности спарое дѣлаешся новымъ, а новое спары-
мымъ, и что, за невозможностью всегда швор-
рипъ, мы напоминаемъ забытое; но наклон-
ность нынѣшнихъ поэпическихъ формъ къ одно-
образному размѣру Сонеша, или вообще опре-
дѣленнаго соспава спрофъ, очевидна даже и
въ швореніяхъ большаго объема.

VIII

Изъ собранія Сонетовъ Г-на Мицкевича Русскій переводчикъ присвоилъ себѣ одно опредѣленіе Крымскихъ Сонетовъ и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ избралъ прудъ мало-важнѣйшій по примѣру многихъ переводчиковъ, которые, желая привить имя свое къ имени великаго Писателя, выбираютъ себѣ для перевода не то, что въ немъ лучшее, а то, что легче дается. Нашъ Поэтъ напрошивъ испыталъ силы свои съ Польскимъ на самомъ поприщѣ его поржества, и сіе предпочтеніе пѣмъ болѣе кспати, что содержаніе Сонетовъ имъ переведенныхъ имѣетъ особую занимательность въ глазахъ читателей Русскихъ. Крымскіе Сонеты должны бытъ собственностью Русской Поэзіи. Самое названіе оныхъ показываетъ, что вдохновенія, ихъ внушившія, почерпнуты всѣ въ путешествіи Авшора по нашему поэтическому полуострову. Каждое изъ замѣчательныхъ мѣстъ сей живописной страны описѣшилось въ стихахъ Поэта. Можно назвать эти Сонеты поэтическими пупевыми записками. Такъ и Байронъ велъ свой странническій журналъ во многихъ спрофахъ Чайльдъ-Гарольда, и, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ Польскихъ Сонетовъ могутъ бытъ пославлены

на равнѣ съ лучшими спрoфами Англійскаго Поэта. Изъ этого не слѣдуетъ, что нашъ соплеменникъ подражалъ ему, хотя, можетъ быть, вліяніе Поэзіи его дѣйствовало и на Поэзію Сонетовъ.

Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ Русскихъ чинапелей, вообще довольно робкихъ и старообрядныхъ, покажется спраннымъ яркій воспочный колоритъ, наведенный на многіе изъ Сонетовъ. Замѣшимъ для эпихъ сѣверо-западныхъ чинапелей, что Поэтъ переноситъ ихъ на Воспокъ, и слѣдовательно, что должны они вмѣстѣ съ нимъ поддаваться вдохновеніямъ воспочнаго солнца; что *наивосточнѣйшія* сравненія, обороты вложены Поэтомъ въ уста *Мирзы*, проводника, пилигрима Польскаго, и напомнимъ, что нѣкоторый отблескъ воспочныхъ цвѣтовъ есть колоритъ Поэзіи вѣка; что кисти Байрона, Мура и другихъ первокласныхъ Поэтовъ современныхъ напоены его радужными красками. Мы сами почти гошовы сознаемся, что въ иныхъ мѣстахъ, хотя и очень рѣдко, Польскій Поэтъ увлекается въ выраженіяхъ и сравненіяхъ своихъ гиперболическою смѣлостію, сбивающею на дерзость

въ глазахъ нашего гиперболическаго благоразумія; что въ нѣкошорыхъ уподобленіяхъ, оборопахъ вспрѣчается у него что-то похожее на принужденіе, изысканность; но самыя, по видимому, насильственныя уподобленія выкупаются вѣрнымъ выдержаніемъ до конца и во всѣхъ часяхъ. — Эпимъ способомъ Поэты даешь опцешъ въ своей смѣлости, и чипапель, пораженный съ перваго раза неожиданностію, убѣждается постепеннымъ ея развитіемъ и пріучается къ ней. Кажется, за исключеніемъ не всегда довольно строгой экономіи въ употребленіи смѣлыхъ фигуръ и обороповъ, критикѣ останется только похвалить въ Польскомъ Поэты богатство, роскошь воображенія, сильное и живое чувство поэпическое, которое у него вездѣ выдается, и въ вѣрномъ, свѣжемъ выраженіи переливается въ душу чипапеля: мастерство необычайное, съ которымъ умѣлъ онъ вписывать въ сжалую раму Сонета картины полныя и часто исполненскія.

Въ заключеніи спашьи, напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ въ 1827 году, изъ которой прилагаются здѣсь извлеченіе, мы изъясля-

ли желаніе, чѣобы Русскіе Поэты познакомили нашихъ чѣпашелей съ великимъ дарованіемъ г-на Мицкевича. Желаніе наше не оспалось щѣпнымъ. Альманахи и Журналы по временамъ обогащались заимствованиями изъ произведеній Польскаго Поэта, если не всегда совершенно удовлетворительными, то по крайней мѣрѣ всегда достойными поощренія. Самъ Пушкинъ освятилъ своимъ именемъ начало сего желаемаго союза между Польскою и Русскою Музою: опривокъ, имъ переведенный изъ Поэмы *Валленродъ*, есть и дань уваженія современному совмѣстнику и подарокъ опечетвенной Поэзіи. Онъ драгоцѣненъ по обоимъ опношеніямъ. Нынѣ другой Поэтъ, коего дарованіе уже ознаменовалось во многихъ произведеніяхъ, увлеченный также вдохновениями Польскаго Поэта, хотѣлъ намъ передать ихъ въ переводѣ близкомъ по возможности, или въ подражаніи сохраняющемъ главныя мысли и господствующій колоритъ подлинника. Здѣсь не мѣсто ни похваламъ исполненію въ общемъ, ни критическимъ замѣчаніямъ частнымъ, къ коимъ могутъ подасть поводъ опыты здѣсь предлагаемые. Можно только надѣяться, что любители Русской поэзіи примутъ съ новымъ

XII

удовольствіемъ и съ новою признапельноспію даръ любезнаго имъ Поэпа, а знащюки искусство оцбняпть съ должною справедливоспію поббжденіе трудностей, копорья предспояли Русскому переводчику въ соспязаніи съ Поэпомъ смблымъ, сжапымъ и своенравнымъ, каковъ г-нъ Мицкевичъ, а особливо въ своихъ Крымскихъ Сонетахъ.

Князь Вяземскій.

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

проспранспивъ я плыву сухова океана;
я въ зелени, пону въ ея волнахъ;
и шумящихъ нивъ я зыблюся въ цвѣнахъ,
я бережно багровой куспъ бурьяна.

сумракъ. Нѣпъ нигдѣ проинки, ни кургана;
моей ладѣ вожапую въ звѣздахъ;
облако блеспишъ; — заря на небесахъ....
шпъ.— То свѣщлый Днѣспръ; — шо лампа Акермана.

Какъ шихо! постоимъ; далеко слышу я,
Какъ व्यюпся журавли, въ нихъ соколъ не вгляднися
Мнѣ слышно — мопылѣкъ на правкѣ шевелипся.

И грудью скользкою въ цвѣпахъ ползѣпъ змѣя;
Жду голоса съ Лишвы — шуда мой слухъ проникнепъ
Но ѣдемъ, — шихо все — никшо меня не кликнепъ

МОРСКАЯ ТИШЬ.

НА ВЫСОТЪ ТАРКАНКУТА.

Ласкаясь, въперокъ межъ леншъ надъ спавкой вѣшъ,
Пучина влажная играешъ и свѣплѣшъ,
И волны пихія вздымающя порой,
Какъ перси нѣжныя невѣспы молодой,
Которая во снѣ о радости мечтаешъ;
Проснѣшся и опяшъ, вздохнувши, засыпаешъ.
На мачтахъ паруса висяшъ опущены,
Какъ бранная хоругвь, когда ужъ нѣшъ войны,
И, будшо на цѣпяхъ, корабль не шевелишя:
Машросъ покоишя, а пушникъ веселишя.

О море! въ глубинѣ твоихъ спокойныхъ водъ,
Межъ твари дышущей, спрашилище живѣнъ:
Таясь на мрачномъ днѣ, оно подѣ бурю дремлетъ,
Но грозно рамена, изъ волнъ, въ пшши подъемлетъ.
О мысль! и у тебя въ шуманной глубинѣ
Есть гидра тайная живыхъ воспоминаній:
Она, не въ мясехъ спраспей или спраданій, —
Но жало оспрое вонзаетъ — въ пшшинѣ.

П Л А В А Н І Е.

Сильнѣе шумъ и волны всколыхались,
 Морскія чуда разыгрались,
 Махрость по лѣспиницѣ бѣжишь,
 Взбѣжалъ: — «скорѣй! топчовпесь, дѣпти!»
 И какъ паукъ повисъ межъ сѣни,
 Просперся — смонришь, спорожишь.

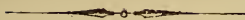
Вдругъ: «вѣперъ! вѣперъ!» — закачался
 Корабль и съ удила сорвался,
 Онъ, рывувъ, бездну возмушилъ,
 И вѣно взнѣсь, опваги полной,
 Подъ крылья вѣперъ захвапиль,
 Лепишь подъ небомъ, топчентъ волны,
 И пѣну размешалъ кругомъ,
 И облака разсѣкъ челомъ.

Полепомъ мачшы духъ несѣнся;
Воскликнулъ я на крикъ пловцовъ.
Мое воображеніе въѣлся,
Какъ пряди зыбкихъ парусовъ,
И на корабль я упадаю,
Моею грудью намираю:
Мнѣ мнишся, будно кораблю
Я грудью хода придаю,
И руки выпянувъ невольно,
Я съ нимъ лечу по глубинѣ:
Легко, опрадно, любо мнѣ:
Узналъ, какъ ищицей бышь привольно.

Б У Р Я.

Корма запрещала, лепяшь паруса,
 Встревоженной хляби звучашь голоса,
 И солнце зашмилось надъ бездной морскою,
 Съ послѣдней надеждой, кровавой зарёю.

Громада, буншуя, ревѣшь и кипишь,
 И волны бушуютъ и въперъ шумишь,
 И спонъ раздаеся зловѣщихъ насосовъ,
 И вырвались верви изъ рукъ у мапросовъ.

Горжеспвенно буря завыла; дымясь,
 Изъ бездны кипучей гора поднялась;
 И Ангель губишель по ярусамъ пѣны
 Въ корабль уже входишь, какъ рапникъ на спѣны.

Кино, силы утративъ, безъ чувства падёшь;
Кино, руки ломая, свой жребій клянёшь;
Иной полумёртвый о другъ поскуеши,
Другой молишь Бога, да гибель минуеши.

Младой иноземецъ безмолвно сидишь,
И мниши онъ: «попъ счастливъ, кино мертвымъ лежиши»
И попъ, кино умёеши усердно молишься,
И попъ, у кого еще еси съ кѣмъ проспишься.»

ВИДЪ ГОРЪ

ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХЪ.

ПИЛГЕРИМЪ И МИРЗА.

Пилгеримъ.

Кипно поднималъ волны ледяныя,
И кипно изъ мерзлыхъ облаковъ
Прешлолы ошлиль вѣковые
Для роя свѣшлаго духовъ?
Ужь не обломки ли вселенной
Воздвигнушы снѣжной неплѣшиной,
Чшобъ караванъ ночныхъ свѣшль
Съ восшока къ намъ не проходилъ.

Чшо за луна? взеляни, громада
 Пылаепть, какъ пожаръ Царьграда!
 Иль для міровъ, во шьмѣ ночной
 Плывущихъ по морю Природы,
 Самъ Алла мощною рукой
 Такъ озарилъ небесны своды?

М и р з а.

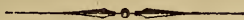
Не вѣнся гдѣ орѣль, я шамъ спремилъ мой бѣгъ,
 Гдѣ царшвуепть зима, свершилъ я пушь далѣкій;
 Тамъ пьюшь въ ея гнѣздѣ и рѣки и попоки;
 Когда я шамъ дышалъ, изъ успъ клубился снѣгъ;
 Тамъ нѣпть ужъ облаковъ, и хладъ сковалъ мяшели;
 Я видѣлъ спящій громъ въ шуманной колыбели,
 И надъ чалмой моей горѣда въ небесахъ
 Одна уже звѣзда, — и былъ шо . . .

П и л и г р и м ъ.

Чашырдахъ!

Примѣч. Вершина Чашырдаха, по закапъ солнца, онъ отражающихъ лучей, кажешся нѣсколько времени въ пламени.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Въ степи спонши уныль Гирея царскій домъ,
 Тамъ, гдѣ полна Пашей спремилась
 Съ пороговъ пыль спирашь челомъ,
 Гдѣ гордоспъ нѣжилась и гдѣ любовь шаилась;
 На шѣхъ софахъ змѣя сверкаешъ чешуѣй
 И скачешъ саранча по храминѣ пуспой.

И плуцъ, межъ спеколь разноцвѣсныхъ,
 Ужъ вѣшся на сполбахъ завѣсныхъ,
 Прокрашися въ узкое окно,
 Уже онъ именемъ природы
 Къ себѣ присвоилъ мрачны своды;
 Могучей право ошдано;
 И тайной на сибѣй рукою,
 Какъ Валпазаровой порою,
Развалина начерчено.

Гарема вопль фонпанъ. Еще бѣжишь по нынѣ
Изъ чаши мраморной спруя жемчужныхъ слезъ ,

И ропщешь шомная въ пуспынѣ;

Но слава, власнь, любовь! — Токъ времени унесъ

Мечпавшихъ здѣсь гордишься вѣчно ;

Онъ ихъ унесъ скорѣй и влаги скоропечной.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

Молишва ошошла, Джамидь уже пусишвенъ,
Ушихъ *Изана* звукъ въ безмолвн noctномъ,
Даль пмишся, и заря вечерняя краснѣнъ
Рубиновымъ лицомъ.

Сребристый царь ночей къ наложницѣ прелесной
Въ зорной шипинѣ спѣшишь на сладкій сонъ,
И вѣчною красой блещишь Гаремъ небесный
Звѣздами освѣщенъ.

Межъ ними облако одно, какъ лебедь сонной,
На шихомъ озерѣ плывешъ во шьмѣ noctной;
Бѣлѣнъ грудь его на синевѣ бездонной;
Въ краяхъ омливъ злашой.

Здѣсь дремлетъ минареть подъ тѣнью кинариса;

А шамъ граничныхъ скалъ хребты омрачены:

Такъ непреклонны въ диванѣ у *Элиса*

Чернѣютъ сашаны.

Подъ мракомъ иногда вдругъ молнія родилась,

И чрезъ шуманный сводъ лазоревыхъ небесъ

Она изъ края въ край, внезапная, промчидся

Какъ быспро-летъ *Фаресъ*.

Прилѣг. *Джамидъ* мечеть; *Изанъ* моллива, кошорую по-
тошъ Муезины на минаретахъ. *Элисъ* Люциферъ
Фаресъ славный Бедуинскій наѣздникъ.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ.

Въ спранѣ прекрасныхъ дней, межъ пышными садами,
О роза нѣжная! тебѣ давно ужъ нѣтъ!
Минуны прежнїя златыми мотыльками
Умчались; — память ихъ почилъ юный цѣпъ.
Чпожъ Сѣверъ такъ горитъ надъ Польшею любимой?
За чѣмъ небесный сводъ такъ блещетъ тамъ въ звѣздахъ?
Нль взоръ твой пламенной, спремась къ спранѣ родимой,
Огнисную спезю прожегъ на небесахъ?
О Польша! я умру, какъ ты, — одинъ унылой;
Да бросишь горсть земли мнѣ милая рука:
Въ бесѣдахъ, надъ твоей приманчивой могилой,
Меня пробудишь звукъ роднаго языка.

И въщій буденъ пѣнь красу твою младую ,
И какъ ны оицѣла въ далёкой споронѣ;
Увидишь близъ твоёй могилу здѣсь чужую ,
И въ цѣсни, можешь бышь, помянешъ обо мнѣ!

МОГИЛЫ ГАРЕМА.

М и р з а.

Вы незрѣлыми кнеспими;
Изъ виноградника любви,
На споль Пророка обреченныя;
Воспока перлы драгоценныя;
Давно вашъ блескъ покрыва мела,
Гробница, раковина вѣчности
Опъ нѣги сладкой, опъ безопасности
Изъ моря счастья васъ взяла.

Онъ подъ завѣсой забвенія
Лишь надъ могильнымъ ихъ холмомъ,
Одинъ въ тиши уединенія,
Дружныи шѣней бунчукомъ,

Былъ бепъ сполпъ съ чалмою грустною ,

И начерпалъ рукой искусною

На немъ Гяуръ ихъ имена ,

Но ужъ и надпись чупъ видва.

О вы! Эдема розы нѣжныя ,

Близъ несорочныхъ спируй, въ гивни

Заспѣнчивыя, безмяшежныя ,

Увяли рано ваши дни!

Теперь же взорами чужими

Гробницъ нарушился покой;

Но ны проспишь, Пророкъ Свяшой!

Здѣсь плакалъ онъ одинъ надъ ними.

Б А Й Д А Р Ы.

По волѣ я пустилъ коня —
Скачу, — лѣса, долины, горы,
То вдругъ, шо розно вспрѣшия взоры,
Мелькаюшъ, гибнушъ вкругъ меня,
Быспрѣе волнѣ; — и межъ видѣній
Я виѣ себя гоню, скачу:
Упишъся вихрями явленій
И обезумѣшь я хочу.

Когда же конь мой опѣнейный
Уже нейдетъ; и саванъ свой
На мѣръ успалый, омраченный,
Накинешъ ночь, глазъ помный мой
Разгоряченъ еще препещешъ,
Въ немъ призракъ скаль, лѣсовъ, долинъ,
Какъ въ зеркалѣ разбишомъ блещешъ.

Земля уснула, я одинъ
Не сплю и къ морю прибѣгаю;
Спрямился чѣрный воздушный валь,
Склонивъ чело, предъ нимъ я паля,
Къ нему я руки простираю,
И преснулъ валь надъ головой;
Теперь хаосъ владѣеть мной,
Я жду, чтобъ погружась въ забвенье,
Какъ надъ пучиною ладья,
Такъ бы кружась, и мысль моя
Могла исчезнуть на мгновенье:

А Л У Ш Т А Д Н Е М Ъ .

Гора опрясаетъ мракъ ночи лѣнивый
И раннимъ Намазомъ волнуется нивы;
И запаю спруями вездѣ разлилось;
Лѣсъ темный склоняетъ густыя вершины,
Какъ съ чепокъ Калифовъ гранипы, рубины
Онъ сыплетъ съ кудрявыхъ зеленыхъ волосъ.

Въ цвѣпахъ вся поляна, надъ ней мопыльками
Лешучими воздухъ песпрѣшетъ цвѣшками;
Такъ радуги ясной сіяетъ коса,
Алмазнымъ наметомъ одѣвъ небеса;
Лишь взоръ опечаленъ вдали саранчою,
Крылапый свой саванъ влекущей съ собою.

Подъ дикимъ ушесомъ шума въ берегахъ ,
Сердитое море кипитъ , напираетъ ,
И въ пѣнѣ , какъ будто у нигра въ очахъ ,
Дневное свѣтило предъ бурей играетъ ,
А въ лонѣ лазурномъ далекихъ зыбей
Купаются флоты и рать лебедей.

А Л У Ш Т А Н О Ч Ь Ю .

Свѣжѣешь въперокъ, смѣнила зной прохлада,
На шемный Чапырдагъ падешь міровъ лампада —
Разбилась, пурпуръ льешь и гаснешь. — Черной мглой
Одѣшы горъ хребты; въ долинь мракъ глухой.

И пушникъ слушаешь, блуждая, изумленный;
Сквозь сонъ журчатъ ручей межъ помныхъ береговъ,
И вѣешь аромашъ; опъ слуха унаенный,
Онъ сердцу говоришь въ мелодіи цвѣшовъ.

Неволью клонитъ сонъ подъ сѣнью шихой ночи...
Вдругъ будитъ новый блескъ: едва сомкнулись очи,
Пошoki золопа льешь свѣшлый метеоръ
На доль, на небеса, на рядъ высокихъ горъ.

Ты съ Одалискою воспока ,

О ночь воспочная ! сходна :

Лаская нѣжно и она

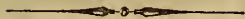
Лишь усыпишь , но искрой ока

Огонь любви опяшь зажжонь ,

Опяшь бѣжишь спокойный сонь .

Ч А Т Ы Р Д А Г Ъ .

Какъ Музульманинъ успрашенной,
Твоей швердыни возвышенной
Подопшву днесъ цѣлую я.
Ты мачша Kryма-корабля,
Ты вѣчный минарешъ вселенной,
О нашъ великій Чашырдагъ!
Ты надъ горами Падишахъ.

Опъ дальнихъ скалъ за облаками
Ты подъ небесными врашами,
Какъ спражъ Эдема Гавріиль,
Сидишь себѣ между свѣшилъ;
Ногами попираешь пучи:
Твой плащъ широкій — лѣсъ дремучій;
Изъ облакъ вышкана чалма
И шипа молніи спруями.

Прольешь ли солнце зной надъ нами,
Иль осѣнишь внезапна шьма,
И жапву саранча, а дома
Гіауръ жжешъ, — шы невредимъ
Споишь недвижимо глухимъ;
Но землю и людей и громы
Ты подосилашь себѣ возмогъ.
Споишь, какъ драгоманъ созданья,
И лишь пому даешь вниманья,
Что говоритъ шворенью Богъ.

П И Л И Г Р И М Ъ.

Роскошныя поля кругомъ меня лежатъ;
Играешь надо мной лучъ радостной денницы;
Любовью дышуешь здѣсь плѣнительныя лица;
Но думы далеко къ минувшему лепятъ.

Наѣвомъ милымъ мнѣ дубравы шамъ шумятъ:
Байдары соловей, Сальгирскія дѣвицы,
Огнншый ананасъ и яхонтъ, шелковицы
Твоихъ зеленыхъ шундръ, Липва, не замѣнятъ.

Въ краю прелесномъ я брожу съ душой унылой:
Хоть все меня манишь, — въ поскѣ спремлюся къ шой,
Которую любилъ порою молодой.

Онъ опияшь у меня, мой опчій край! Но милой
О другъ все швердишь въ родимой споронѣ:
Тамъ живъ мой слѣдъ, — скажи, ты помнишь обо мнѣ?

Д О Р О Г А

НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТ-КАЛЕ.

М и р з а .

Теперь молишву сошвори;
Кинь поводъ, взоръ опворони,
Ногамъ коня сѣдокъ ввѣряешъ
Разсудокъ свой. — Какъ онъ идешь
И окомъ бездну измѣряешъ;
Едва скользишь, колѣна гнешь —
И вдругъ, межъ скалъ на край склоняся,
Повисъ, копышомъ уцѣпяся.

Но шы на бездну не взгляни,
Она, какъ кладезь Ал-Каира,
Рукой надъ нею не махни
Неокриленной для ээира,
И думашъ шы о ней спрашисъ:
Какъ якорь дума — берегисъ!

Перуномъ онъ съ ладьи спремился,
Но, дерзко брошенный межъ волнь,
Въ пучину опрокинешь чолнь,
И въ дно морское не вонзился.

Пилигримъ.

А я сквозь прещину земли,
Я заглянулъ въ нее . . .

Мирза.

Скажи,

Что жъ видѣлъ ты?

Пилигримъ.

Мои видѣнья,

Мирза! по смерти разскажу,
Но для живыхъ я выраженья
Въ земныхъ рѣчахъ не нахожу.

ГОРА КИКИНЕНСЪ.

М и р з а.

Взгляни на пучину, въ ней небо лежишь:
То море; — и ярко пучина блеснишь.
Убиная громомъ, не пицаль гора
Крымъ распустила въ той безднѣ сребра:
Самъ радужный очеркъ пѣсенъ въ небесахъ,
Чѣмъ мачповыхъ перьевъ на синихъ волнахъ.

И оспровомъ снѣжнымъ подь дикой скалой
Одѣлися сени лазури морской;
Но оспровъ сей — шуча, и черная мгла
Полмира объемлетъ съ крупнаго чела.

Огнисную ленну шы видишь на немъ?
То молнія. — Ъдемъ, и первый съ конемъ
Я кинусь — а, пушникъ, смотри на меня,
И бичь свой и шпоры гошовъ для коня.
На край шонъ опважно и въ конскую прышь
Черезъ бездну намъ должно съ размаха вскочинь.
Чалмали заблещень на шой споронъ,
То я: не робъя шы бросься ко мнѣ;
Но если не узришь ее предъ собой,
Знай: людямъ не вхашь дорогою шой.

РАЗВАЛИНЫ

ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВЪ.

Краса Тавриды, ужась Хановъ,
Здѣсь замокъ былъ, шеперь лежань
Обломковъ груды, и порчань,
Какъ черепъ нѣкихъ великановъ, —
Приюпы гадовъ и ужей,
Иль ихъ презрѣннѣ людей.

Взойдемъ на башню, — шамъ замѣшны
Гербовъ оспашки на спѣнахъ:
Ищу я надписи завѣшной,
Иль имя храбраго въ бояхъ:
Оно въ пыли развалинъ хладныхъ,
Какъ червь межъ лиспьевъ виноградныхъ.

Здѣсь Грекъ на камнѣ высѣкаль;
 Въ Монголовъ часно Генуезецъ
 Желѣзо гибели бросаль,
 И Мекки набожный пришелецъ
Намаза пѣснь въ пиши пѣваль;
 Теперь же воронъ чернокрылый
 Лишь облепаетъ здѣсь могилы:
 Одинъ на башнѣ вѣсповой
 Такъ черный флагъ уныло вѣепъ,
 Когда опъ язвы моровой
 Спрана прекрасная пустѣепъ.

А Ю Д А Г Ъ.

Люблю я, опершись на скалу Аюдага,
Смотрѣшь, какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй;
Какъ пѣнишь, кипишь бунтующая влага,
То въ радуги дробясь, по пылью снѣговой;

И сушу — рапъ киповъ, воюя, облегаешь;
Опять стремишься въ бѣгъ ошь влажныхъ береговъ,
И дань богатую въ побѣгъ оставляешь:
Сребриспыхъ раковинъ, коралловъ, жемчуговъ.

Такъ спраси пылкія, подъемляся грозою,
На сердцѣ у тебя кипящъ, молодой пѣвецъ;
Но люшню пы берещь, и вдругъ всему конецъ.
Мятежныя бѣгунъ, смѣняясь пишиною,
И пѣсни дивныя роняющъ за собою:
Изъ нихъ вѣка плещущъ безсмертный пивой вѣнецъ

К О Н Е Ц Ъ .

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ А. Мицкевича, переведенные И. П. Козловымъ, можно получать въ книжной лавкѣ Издателя, книгопродавца Непейцына. — Ц. 4 руб. съ пересылкою 5 руб.

Тамже можно получать преждеизданныя стихотворенія И. П. Козлова:

МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ С. П. б. 1829 г. — Цѣна 10 руб.

КНЯГИНЯ НАТАЛІЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ. Русская повѣсть. С. П. б. 1828. — Цѣна 10 руб.

ЧЕРНЕЦЪ. Кіевская повѣсть. *Изданіе третіе.* С. П. б. 1827 г. — Ц. 5 руб.

СЕЛЬСКІЙ СУББОТНІЙ ВЕЧЕРЪ въ Шотландіи. Вольное подражаніе Р. Борнсу. С. П. б. 1829 г. — Ц. 3 руб.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: March 2007

Preservation Technologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

00027180814